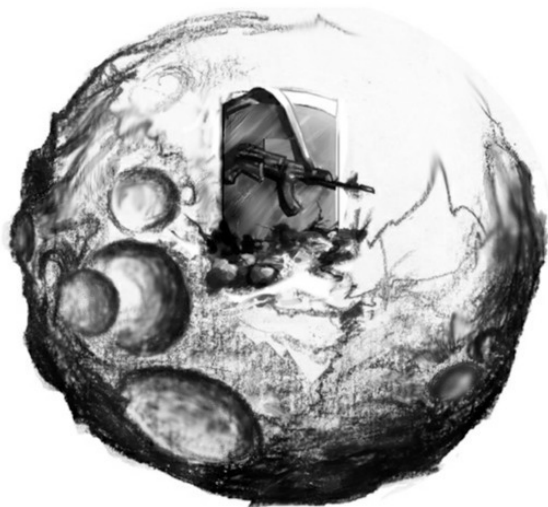

ГЛЕБ СЕЛЕЗНЕВ

Машина судьбы

РАССКАЗЫ

Глеб Вячеславович Селезнев

Машина судьбы. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22143237

ISBN 9785448345104

Аннотация

Сборник фантастических рассказов в лучших традициях жанра научной фантастики. Автор черпал вдохновение в шедеврах братьев Стругацких, Кира Булычёва, Уильяма Тенна, Станислава Лема и прочих классиков мировой фантастической литературы.

Содержание

Эпифауна	5
Частица Боли	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Машина судьбы
Рассказы
Глеб Вячеславович
Селезнев

© Глеб Вячеславович Селезнев, 2016

© Глеб Вячеславович Селезнев, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-4510-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпифауна

Эпифауна – совокупность организмов, обитающих на дне водоёма.

– Дифферент на корму увеличил?

– Да, до пяти с половиной процентов, как ты и велел.

– Поддерживай его в таком значении, – нам нужна максимальная остойчивость, для подобного манёвра.

Капитан Баграх отошёл от молодого штурмана к нактоузу, больше не возвращаясь к приборам управления, всецело предоставив управление посадкой Итайву.

Несмотря на всё внутреннее напряжение, связанное со свалившейся на плечи ответственностью, Итайв всё же умудрялся украдкой наблюдать за суровым, просто-таки каменным лицом капитана, которое не выражало ни единого намёка на чувство или эмоцию. Прямо не живое существо, а глыба сухого спокойствия, с жёлтыми глазами, впившимися в навигационный щит. Лишь иногда уголок обрамлённой морщинами губы едва заметно вздрагивал, и Итайв, внутренне борясь с навязчивыми ненужными мыслями, никак не мог понять, что бы это вздрагивание означало.

Позади них, в самом дальнем углу рубки стоял, нервно перебирая в пальцах какую-то бумажку, пассажир судна, – арволь, Доу-Дорк, старый друг капитана. Итайв не видел его,

так как не смел обернуться от штур-блока, но мог представить, каким напряжённым он сейчас выглядит. Вообще-то, пассажирам не следовало находиться в рубке управления во время прямого пилотирования, и уж тем более во время посадки судна на столь маленькую площадь. Но Баграх, который сам являлся единственным источником правил на своём клипере, не то что не возражал против присутствия друга, но даже, кажется, слегка улыбнулся (что было, для знавших его, чуть ли не высшим проявлением чувств), когда Доу-Дорк тихо возник за их спинами.

Штурман вряд ли смог бы понять до конца чувства, в последнее время овладевшие Доу-Дорком, если бы у него возникло такое желание. Старый ссохшийся арволь, поначалу вызывал в Итайве лишь непонятное, ничем не обоснованное чувство вины перед ним своими неуверенными, робкими движениями, тихим голосом, в котором не чувствовалось ни капли желания выказать разницу в возрасте и опыте, и грустными, обречёнными какими-то, чуть ли не испуганными глазами. С первых минут знакомства с единственным пассажиром судна, штурман неожиданно для себя понял, что при встрече отводит взгляд от глаз Доу-Дорка, пока не стал замечать, как эти его глаза меняются в течение полёта. В тот момент, когда их судно уже было за пределами основной секторной дуги, когда арволь словно бы осознал, наконец, что они действительно летят к Афесцейне, в них появилась надежда, крепнущая всё сильнее с каждым днём.

А когда они вышли на орбиту планеты, Доу-Дорк вообще как будто ожил, распустился, подобно цветку, которому не хватало до этого влаги...

– Сколько до поверхности? – рычащий бас капитана заставил Итайва вздрогнуть и крепче вцепиться в поручень штурблока.

– Триста семнадцать метров.

– Следи за пеленгами, выравнивай, если заметишь отклонение.

Итайв упёрся взглядом во вспомогательные прорисовки экрана обзора. За ними уже угадывались отдельные элементы сплошного лесного массива, пестревшего всеми возможными красками, преобладающими из которых были оттенки синего и зелёного. Прямо под ними неспешно разрастались очертания каменного взгорья, которое лес не смог захватить своей всепоглощающей массой, и которое возвышалось среди него как плоская костяная шишка среди шерстяного покрова какого-нибудь животного. Именно на эту естественную посадочную площадку и предстояло Итайву опустить клипер, который был меньше этой плиты всего раза в два.

– Семьдесят метров, – сообщил штурман, слегка поворачивая судно вокруг вертикальной оси, но Баграх даже не покосился на него при этих словах.

Итайв взял в обе руки рукоять управления векторным усилителем и сбавил скорость до минимума. В коленях его

появилась противная слабость.

Через несколько секунд, после того, как штурман полностью аннулировал вектор движения, ноги почувствовали мягкий толчок, и пол рубки слегка накренился. Итайв как можно тише вздохнул и вытер пот со лба, смотря в сторону, противоположную от Баграха.

– Хорошо для первого раза, Итайв, сын Райва, – бесчувственно похвалил капитан и повернулся к замершему позади них Доу-Дорку.

– Ну что, Доу, вот мы и на планете Афесцейны, – сообщил он арволю, чьё лицо прямо-таки светилось наивной, доверчивой благодарностью.

– Но потерпи слегка, несмотря на все твои знания об этой планете и наши орбитальные анализы, я не могу выпустить тебя туда, не разведав окрестности зондами. Это займёт пол дня – не больше.

И когда он сказал это, Итайв, переведя взгляд с Доу-Дорка на капитана, со сконфуженным удивлением увидел в его заостренном коричневом лице, пересечённом наискось, от правой брови до левой мочки уха, багровым шрамом, столь непривычную, столь нелепую для этого лица и столь трогательную жалость. И пока Баграх молча настраивал программу внутреннего зондирования, штурман всё никак не мог оставить внутри себя ощущение и память об этом редком и странном моменте. Что-то непостижимое, способное сломать любые законы и силы связывало этих двух су-

ществ, поддерживало их давнюю дружбу, зарождённую жестом судьбы ещё до того, как Итайв появился на свет. Отдавая дань одной только этой дружбе, капитан Баграх плюнул на все свои и чужие дела и на отсутствие права свободно использовать судно, подарив давным-давно потерявшему семью и любовь к жизни другу путь на эту планету, мечтами о которой, может быть, тот только и жил.

– Итайв, проверишь показания зондов, по окончании исследования, – сказал капитан, закончив с программированием. – А мне и моим старым костям необходим отдых, – и он отправился к двери, ведущей из рубки управления в главный коридор судна, задержавшись на секунду около Доу-Дорка, – Ты бы прилёг тоже, Итайв разбудит.

Глаза арволя бегали по каюте, останавливаясь на штурмане и капитане, но он не обращал внимания на всё это – просто возбуждённо решал что-то в уме.

– Да уж, сейчас я, пожалуй, усну, – торопливо ответил тот.

Встреча с этим миром была подобна столкновению, порождающему в один момент волну эмоций, невероятно далёких от ожидаемых, словно за быстро распахнувшимся проёмом шлюза должно было открыться что-то совершенно другое. Сделав первый шаг из корабля в атмосферу странной планеты, Итайв почувствовал что-то схожее с неожиданным провалом под тонкий лёд. Будто холодной водой, заставляя весь организм конвульсивно передёрнуться, его охвати-

ли с ног до головы воздух, краски, запахи и звуки чужого мира. И это несмотря на то, что их посадка была не в самой сельве, а на почти голом каменном плато, вершина которого превосходила в высоту некоторые деревья.

Баграх, Итайв, двое техников эфира и Доу-Дорк отошли от крутого обрыва площадки, над которым нависали верхние части непонятных строений и направились под уклон к противоположному краю, постепенно переходящему в подножие сельвы. Голый камень плавно сменялся ворсистым покровом какого-то бурого мха, и почва под ногами становилась мягкой. Впереди величественным полукругом представал во весь рост полог странного леса – насколько его вообще можно было назвать лесом. С первого взгляда в нём можно было различить три основных линии, разделённые нечёткими границами. Нижняя полоса состояла из хаотично переплетённых узких лент, переливающихся, в зависимости от угла зрения оттенками зелёного, нежно-голубого и тускло-жёлтого цветов. Верхние точки этой путаницы, из которой в разные стороны торчали длиннющие, расширяющиеся на концах веслообразные стебли и гроздья каких-то лёгких пушистых алых сфер, едва достигали груди капитана и штурмана, Доу-Дорк мог скрыться там целиком. Выше располагалось множество тонких цилиндрических столбов разного диаметра – от ширины пальца до голени. Все они были тёмно-зелёного цвета и испещрены сетью узеньких светящихся салатovým ломаных жилок. Размещались они на весь-

ма различных расстояниях и не параллельно, но все были при этом почти идеально прямыми, и на их поверхностях не было ни наростов, ни веток, делающих их схожими со стволами деревьев привычной наружности. Однако служили они, подобая лесным колоннам любых других миров, для поддержания верхнего слоя. А тот, в свою очередь, состоял из огромных, метров до пяти в диаметре, тонких синих блинов, насаженных друг над другом на эти стволы, как на колья. Эти овальные плоскости существовали связками – в среднем штук по пятнадцать, образуя приплюснутые ребристые сферы, некоторые из которых были сплошь заполнены полупрозрачным голубым пухом, другие – совершенно пустыми. Формы сфер были далеки от правильности, однако их составляющие блины располагались абсолютно параллельно друг другу (позже Итайв даже проверял это дальноммером). С некоторых из них свисали гладкие лианы, и часть из них была сложным образом сплетена с самыми высокими стеблями-вёслами нижней полосы; вместе они образовывали прямые, подрагивающие линии. Многие поверхности всех ярусов этого леса покрывали колонии растений напоминавших пучки длинных, свисающих вниз перьев, и все они строго делились на ярко-оранжевые и чёрные. Вся чаша была окутана всевозможными шорохами, писками, скрипами, стрекотаниями и прочими звуками жизни чужой флоры. И только флоры – первая разведка зондами не обнаружила в радиусе десяти миль организмов, однозначно признанных

животными.

Пришельцы остановились у самого края леса, в двух шагах от первых кустов, напоминавших больше всего единый кусок стальной проволоки или ленты, перепутанной до такой степени, что никто не стал с ним возиться и бросил так, вращать в дёрн. Итайв осторожно протянул руку к торчащему прямо перед ним трёхметровому веслообразному стеблю, самый кончик которого расходился надвое, подобно раздвоенному языку рептилии. Неожиданно и растение подалось к нему, и тонкая красная линия, тянувшаяся по его середине начала часто пульсировать, словно жилка под кожей животного. Но когда до руки Итайва оставалось не более сантиметра, острия языка вдруг изогнулись назад, и растение отпрянуло, средняя линия его сделалась ядовито-оранжевой.

– Что это, по-вашему, может значить? – спросил штурман Доу-Дорка, стоящего ближе всех к лесу.

Арволь не ответил замороженными глазами, окидывая весь полог чащи. Поглядев на стебель растения, отстранившегося от Итайва, он, со странно сбитым дыханием, протянул к нему руку. То точно также приблизило своё широкое окончание к раскрытой ладони Доу-Дорка, замерло на секунду, а затем медленно, словно неуверенно коснулось его пальцев, скользнуло дальше по ладони к тонкому предплечью арволя и мягко обвило его своей плоскостью. Средняя линия его стала пульсировать ещё чаще, поменяв цвет с красного на тёмно-багровый, почти чёрный.

– Жест, по-моему, весьма однозначный, – заметил один из техников, стоящих поодаль.

– Я ему, видимо, не очень понравился, – пробормотал Итайв и покосился на Баграха. Лицо капитана было задумчиво-нахмуренным.

«Не знаю, Доу, – говорил капитан, – Как можно влюбиться с первой секунды в мир, в котором оказался в первый раз в жизни».

«Ты не представляешь, друг, – отвечал арволь с блаженной улыбкой, не сходившей в последнее время с его лица, – сколько сил я потратил на получение знаний об этой планете, сколько архивов перерыл, чтобы добыть новые данные. Летя на эту планету, я уже был влюблён в неё. Всё, что осталось там, все знакомое, бывшее, заботы, мелочи, суета настоящего и предвкушение будущего, всё это обошло меня стороной, моё время остановилось после того, как я потерял самое дорогое, что было в жизни, – в тот момент глаза Доу-Дорка вновь сделались стеклянными. – И всё, что было родным когда-то, теперь с каждым днём всё больше терзало душу, вызывая в памяти только большую безысходную тоску. Я ведь арволь, я мог просто взять и умереть, но противостояла такому желанию только мечта об этой планете. Ну и старые друзья, конечно. Спасибо, тебе, Баграх, ты подарил мне вторую жизнь».

Этот разговор произошёл накануне, перед тем, как капи-

тан ушёл в первую экспедицию. Он тогда надолго задумался, уперев взгляд в экран внешнего обзора, показывавший техников, давно снарядившихся и ожидавших его у входа в шлюз.

«Я вижу, – ты уже решил всё для себя, – сказал он через какое-то время. – Но я не смогу посещать тебя часто. По правде сказать, я вообще не знаю, когда вообще смогу прилететь в следующий раз».

«Это и не нужно, мой друг. Всего, что мы привезли, хватит мне до конца жизни. А общаться будем через канал связи».

Баграх ничего не ответил и отправился в сельву.

Штурман сидел на пороге универсального шатра, развёрнутого роботами на склоне каменного острова, плывущего в море лесного массива. Ближайшие его стебли и лепестки, пульсирующие и шуршащие окончания, неровной щетиной торчали во все стороны уже метрах в пяти от него. Ниже, в перепутанном, как казалось, навечно подлеске бродил арволь и, глядя на то, как расступаются перед ним все эти кудри, с какой ловкостью и скоростью распутывают они свои кольца и вихры, Итайв всё-таки стал сомневаться в их полной принадлежности к растительному миру. Или растительность здесь была «более живая», что ли. Причём Доу-Дорку она доброжелательно открывала дорогу, а остальных лишь как-то слегка раздражённо сторонились, – так, по крайней

мере, казалось. А ещё не оставляло ощущение того, что исследованный кусок леса неуловимо изменился, стал менее чуждым их миру, что ли, хотя вокруг не поменялось решительно ничего, и никакие приборы ничего не зафиксировали, и Итайв силился объяснить это простой привыкаемостью.

Зато действительно изменился их пассажир. Если в конце полёта он казался Итайву расцветшим, цветком, глотнувшим свежего воздуха, получившим кусочек надежды, то сейчас он был подобен вернувшемуся, наконец, в свой родной дом существу, собирающемуся с вновь обретённым умиротворением провести в нём остаток жизни. Штурман лишь много времени спустя узнал, с каким трудом одинокому старому арволю приходилось доказывать главам научных течений отсутствие разумной жизни на планете Афесцейны. Сколько случалось ему выступать перед научными комиссиями с докладами из данных, собранных им из старых баз и добытых собственными исследованиями. И как много пришлось ему услышать отказов и убеждений даже старых коллег-биологов о том, насколько невыгодна была бы экспедиция к далёкой звезде, тем более в это время, после войны...

– Доу-Дорк, – окликнул он с детским восхищением наблюдавшего за какой-то новой находкой арволя, – Прости, пожалуйста, что тебя отвлекаю, мне хотелось бы узнать вот о чём. На всех планетах, которые я знаю, если существует столь развитый растительный мир, то обычно есть и живот-

ные, они с самого начала зарождаются в тесном сосуществовании. А здесь, что – вообще нет фауны?

– А как же на Лиане? – ответил вопросом на вопрос Доу-Дорк.

– Ну, там совсем другое. Там углекислые гейзеры. Я слышал, что даже если специально начать разводить там животные организмы, они всё равно бы не прижились.

– Ты прав, – негромко сказал Доу-Дорк, выходя из-под завесы чащи и присаживаясь рядом со штурманом, – Но здесь тоже существует немало подземных источников, выделяющих в атмосферу углекислый газ. Не столь много, конечно, как на Лиане, и, если бы существовали только они, вряд ли это компенсировало бы жизнедеятельность всей флоры. Меня интересовала эта загадка, но, как ты сам понимаешь, не находясь на планете, какими методами не изучай её особенности, к проблеме всё равно не подойдёшь вплотную. Фауна должна быть здесь, в очень маленьком соотношении с флорой, я почти уверен. Правда, носит она очень скрытый характер. Теряется где-то в глубинах этого цветущего моря. На самом дне...

Впрочем, для меня, хоть я и являюсь по сути биологом это совсем не важно. Мне порою хочется понять какие-то вещи, встречаемые здесь, удивительные вещи, но это желание – ничто, по сравнению с чувством восхищения, что я испытываю, всё больше знакомясь с местной природой, становящейся и нам со временем как-то ближе. Вот скажи мне

ты – космограссер, звёздный скиталец – видишь ли ты красоту всего этого? – Доу-Дорк обвёл рукой стену пестрящего перед ними леса.

– Безусловно, – ответил Итайв искреннее.

– А представь, как её чувствую я, – при этих словах, в лице арволя проскользнуло что-то невыносимо-скорбное, осколок той тоски, в которой он пребывал в самом начале их знакомства, и штурману сделалось грустно и неудобно от проснувшегося вдруг беспомощного чувства.

– Мне тоже показалось, что тут всё слегка изменилось, – сказал он, прищурено глядя в сельву.

– По-моему, стало проще, понятнее, – вторил ему Доу-Дорк. – С виду, кажется, и не поменялось ничего, хотя мы, может, просто не в состоянии определить что именно...

Капитан вернулся в тот момент, когда Итайв заходил в шлюз клипера. Он так и остановился на пороге, услышав звуки приближающейся экспедиции. Баграх прошёл мимо штурмана, не сказав ни слова, лицо его выглядело непривычно озадаченным. Итайв неуверенно направился за ним в рубку управления. Подойдя к панели планетарной навигации, капитан хмуро принялся рассматривать какие-то электронные документы. Штурман встал у штур-блока, делая вид, будто тоже чем-то занят. Прошло немало времени, прежде чем Баграх обратил на него внимание.

– Что делаешь? – спросил он металлическим голосом.

– На самом деле, я не знаю, что мне делать, – ответил тот, криво улыбаясь.

– Доу-Дорк в сельве?

– Да.

Итайву показалось: что-то дрогнуло в этот момент в лице капитана. Скорее всего, просто показалось. Или же он впоследствии вспоминал этот миг так, с чем-то в этом лице дрогнувшем. Хотел вспоминать так.

– Завтра я намерен организовать ещё одну экспедицию, – продолжил капитан тем же голосом.

– Но мы же собирались улететь завтра...

– Ты пойдёшь со мной, – перебил его капитан, как будто и не заметив сказанного штурманом.

Итайв посмотрел внимательно на него, но совершенно ничего не смог прочесть в его профиле. Но странное ощущение озабоченности капитана всё же не покидало его. Внезапно за их спинами возник Доу-Дорк, робкими старческими шагами войдя в каюту. В руках он держал пышный пучок каких-то не то перьев, не то листьев, пестревших всеми красками бушующими за бортом.

– Вы завтра отправляетесь обратно, – начал он застенчиво улыбаясь, – Можно, я оставлю вам в память это. Это опавшие цветы, они не причинят вреда, не прорастут никуда, и... вам не придётся за ними бегать по кораблю... – он зачем-то неловко погладил букет свободной рукой.

И в этот момент в лице Баграха действительно что-то

пронзительно поменялось, словно лопнула какая-то нить – одна из тех, которыми поддерживалась вся эта дикая суровость его лица. Итайв вновь отвернулся к носовому иллюминатору судна, сморщившись от вроде бы ничем не обоснованного чувства вины, смешанного с липким предчувствием чего-то нехорошего. Ему резко захотелось выйти из рубки, но он побоялся, что может обидеть тем самым Доу-Дорка.

– Доу, – услышал он мягкий голос Баграха, – Мы не улетаем завтра.

Чем дальше они углублялись в сельву, тем непонятней и непривычнее она становилась. Всё вокруг менялось. Вырастали новые, невиданные колонии деревьев, обросших сложнейшими конструкциями, отличающимися чётким разграничением форм и цвета, огромные лесные проплешины, почему-то всегда совершенно круглые и поросшие одним и тем же низким кустарником, густота которого увеличивалась к центру. Порой на их пути попадались огромные деревья-башни, представлявшие собой целые многосложные симбиотические сообщества – как предполагал про себя Итайв. Порой встречались и мелкие ручейки, и достаточно широкие реки с прозрачной, кристально-чистой водой. Но и они не были лишены жизни, – всё прибрежное дно обнаруженных водоёмов было переполнено многоцветными водорослями и торчащими из воды разлапистыми кустами.

Теперь Итайв мог сказать наверняка: территория, окру-

жавшая плато, где стоял их клипер, была действительно *другой*. Вернее стала, после того, как они совершили посадку. Она казалась более дикой... И одновременно была несравнимо ближе пришельцам, чем эти просторы, на которые ещё не ступала их нога. Но никак невозможно было понять, что именно отличает эти два осколка одной и той же стихии. Проживи Итайв на своей родной планете, никогда не задумываясь о звёздах, подобно большинству своих сородичей, а затем по каким-то стечениям обстоятельств попади в этот мир, он никогда бы не понял в чём тут дело. Скорее всего, он вряд ли смог бы увидеть здесь красоту, столь отличавшуюся от красоты природы его мира. Но, будучи изначально, с самых юных лет охваченным мечтой о невиданных космических путешествиях, а в последствии весьма искущённым в знакомстве с множеством «чужих» миров, молодой штурман невольно залюбовался местностями, открывавшими всё новые прикрасы. Он даже перестал пытливо размышлять о странном изменении обследованного участка, всё изумлённее озираясь по сторонам, как вдруг его осенило. В ней, в красоте-то всё дело и было. Конечно, нельзя было сказать, что то место, которое их роботы и они сами исходили вдоль и поперёк, стало менее красивым, но красота его сделалась *другой*. Как будто созданной кем-то с совершенно другой точкой зрения на это понятие. Или же созданной именно и только самой природой, чьи законы на каждой планете, в каждом мире одинаковы. Здесь же улавливался ка-

кой-то непонятный привкус, подобный тем, какой чувствовался в центрах цивилизаций знакомых Итайву лично. Любые цивилизованные существа, мироводы понимали красоту несколько по-своему, по-своему они и преобразовывали всё вокруг, а вот природа, расплёскивая, где только ей было дозволено буйство своих красок, всегда действовала пусть и разными кистями, но всё же одними методами.

– Баграх, – окликнул штурман шедшего впереди капитана.

– Что, – не поворачиваясь отозвался тот.

– А в этом мире точно нет разума?

Баграх быстро остановился. Не то чтобы его, как будто поразили слова Итайва, а так, словно дошёл до чего-то, к чему и стремился, так, словно каждую секунду знал насколько близко цель их пути.

– А что? – повернувшись, сухо спросил он.

– Да я тут подумал... – Итайв начал сбивчиво и неуверенно объяснять, что именно заставило его задать подобный вопрос, но объяснения оказывались сбивчивыми и корявыми, потому как в голове не существовало чёткой логической цепочки, приводящей к конкретным выводам.

Но, тем не менее, Баграх сразу же понял его и, не дав договорить, перебил:

– Вот что значит молодость, – проговорил он, как-то грустно усмехаясь, – Великое преимущество. Я понял, что планета разумна ещё вчера, в первую экспедицию. Но совер-

шенно не мог понять, почему мне это известно. Ты же кое-как это всё-таки объяснил, – он пошёл навстречу Итайву и, поравнявшись с ним, бросил. – Возвращаемся, – и прошагал мимо, не задержав на нём взгляда, но когда штурман мельком увидел его глаза, он впервые испытал к нему жалость.

Как ни хотел Итайв не быть свидетелем разговора Баграха с Доу-Дорком, как ни пытался незаметно выскользнуть из каюты следования, когда капитан со скупым вздохом обратился к пассажиру, ему пришлось остаться и услышать всё от начала до конца. Впоследствии он часто силился вспомнить все слова, произнесённые тогда, но в голову, вновь и вновь полосуя душу, лезли только последние:

– Ты *окончательно* уверен? – тихо-тихо спросил в последний раз Доу-Дорк, невидящими глазами смотря куда-то в сторону.

– Уверен, Доу, – болезненно скривив губы, ответил Баграх.

– На этот раз ты не станешь нарушать правила? – без всякой надежды спросил Доу-Дорк.

– Дело не только в правилах. Хотя, если бы было только и в них, всё равно рано или поздно все советы узнали бы о существовании разумной деятельности на этой планете – она не долго ещё будет оставаться без внимания учёных. Но больше я боюсь за тебя. Да и вообще разум, негуманоидный, вовсе не этологический с нашей точки... ты же сам

понимаешь.

– Я понимаю...

Пусто тогда стало у Итайва на душе. Он ещё, помнится, испугался, что Доу-Дорк умрёт в скором времени, возможно даже в полёте, – арволи единственные известные существа, умеющие умирать по собственному желанию. Но эта мысль, выдвленная всепоглощающими чувствами скорби и жалости, причём жалости больше к капитану, не задерживалась в голове. Ни одной мысли тогда вообще ни стало.

Старый арволь не умер ни в полёте, ни после него, он ушёл из жизни лишь сразу после того, как не стало прославленного капитана, но это Итайв узнал уже много лет спустя.

– Мощность векторного усилителя – тридцать процентов. Усиление – двенадцать долей на секунду, – голос Баграха был обыкновенным, громоподобным, но всё же другим.

– Я уже сделал, – ответил штурман.

– Ну взлетай, чего ждёшь.

Итайв чёткими движениями привёл в действие все механизмы и повернул рукоятку последнего тумблера. Слабый толчок пола ознаменовал начало плавного взлёта. Теперь можно было слегка расслабиться – взлёт производился автоматически. Итайв невольно обернулся к дальнему углу рубки и убедился, что в каюте нет никого кроме них двоих.

2010 г.

Частица Боли

Когда-то давно, у самой начальной грани того отрезка времени, что охватывала Её память, Ей всё казалось сырым, холодным и невыносимо пустым. Вокруг с треском крошились горы, из разломов их мёртвых боков, словно кровь из ран, хлестал жидкий светящийся камень, а почти вся влага в те времена была взвешена в воздух. Неизвестно зачем дарёная Ей плоскость была окрашена в красно-чёрный контраст. Но Она не воспринимала ни температуру, ни силы стихий по отношению к себе – не смотря на жар пылающей материи, тени окружающего казались пасмурными и нереальными. Бессмысленными.

Ничего вокруг не могло заинтересовать или взволновать Её: всё, что могла охватить Её сущность, было безнадежным и ненужным. Она не помнила того момента, когда поняла это, но, учитывая особенности Её мышления, должно быть, случилось это достаточно скоро после рождения. С тех пор Она существовала в непрерывной прострации, генерировало которую осознание своей беспомощности и никчёмности *всего*. Все мысли Её были обречены сводиться лишь к данному факту, но Она не в силах была остановить их ход – перестав манипулировать информацией хоть на мгновение, Она, будучи самой сутью Силы Мысли, перестала бы существовать. И порой Ей, проделавшей в миллионный раз незримый

путь по замкнутому кругу своего субъективного восприятия и своих итоговых умозаключений, больше всего хотелось лишь этого – избавиться от бремени осознания бытия. И Ей ничего не оставалось другого, кроме как терпеливо ждать неизвестно чего.

А вокруг между тем всё едва уловимо менялось: рвалась тонкая твердь, выплёскивая новые потоки жидкого камня; стремительно вспухали цепочки гор и холмов, рушились и вновь сравнивались с тем, из чего были сотворены. Основной цвет постепенно сменялся с багрово-пепельного на синевато-серый, и вода, жидкость, к которой Она начинала чувствовать тогда странный интерес, стала оседать на Поверхность.

Она совершенно не запоминала моментов, в которые менялась сама, Ей незачем было думать об этом и оглядываться назад. А Мысли, основывающие константу Её структуры, тем не менее, тоже менялись, подобно всему вокруг. Когда бóльшую часть Поверхности покрыла жидкость, Она уже не занималась поиском и ожиданием *смысла* – само по себе Её внимание оказалось полностью поглощённым этой простой лишь на первый взгляд субстанцией.

Под воздействием дикой стихии, природа которой представляла собой дальнейшее родство с Её собственной, в воде происходили притягивающие Её ум реакции и метаморфозы. Наблюдая за общей картиной водного пространства, Она то и дело стала замечать, как жидкость то здесь, то там начи-

нает видоизменяться, приобретать совершенно иные свойства, группироваться в непонятные сгустки. Сначала Она лишь наблюдала за отдельными вспышками синтеза и разрушения новых структур, но настал миг, и лишь одна, неожиданная для Неё самой Мысль породила что-то непредсказуемое. Впервые Мгновением своего Интереса Она вмешалась в диссонансные процессы, происходящие вокруг. Впервые Она поняла, что сама может влиять на окружающее.

Импульс Мысли вызвал какое-то энергетическое колебание, эхом отдавшееся в Неё и заставившее мельчайшие зёрна, растворённого в воде вещества, сгруппироваться в более сложный порядок. Это событие положило начало совершенно нового мира. Довремение кончилось. Всё ещё не совсем осознавая, что произошло, но, уже инстинктивно нащупав струну, связывающую Её волю и род материи, реагировавшей на Её любопытство, Она стала, как мозаику собирать дальше получившиеся единицы во всё большие и усложняющиеся группы. При этом Она обнаружила, что часть Её сознания как будто отделилась, продолжая статически действовать самостоятельно. Так был придуман первый закон, и коацервация осуществлялась уже без Её непосредственной помощи.

А Она, поняв, что может и дальше совершенствовать свои творения, в буквальном смысле отдала всю себя и все свои помыслы процессам созидания и реконструкции, и с их помощью познала постепенно себя саму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.